

УДК 1/14
ББК 87.3
Б 74

Влх. Богумил

Б 74 Языческая божница. – М.: Велигор. – 2020. – 292 с.

ISBN 978-5-88875-818-2

Всем, кто возвращается к славянской исконной вере предков – язычеству, родноверию, – со временем доводится задаться вопросом: как обустроить домашнее святилище, красный угол-кут, божницу, где можно будет славить Богов и Предков, то знаковое место в доме, что будет зримо свидетельствовать о религиозном выборе хозяина жилища? Вопросов может быть и больше, не только по «технической части». Зачем нужна божница в современном доме? Какие сокровенные предметы, помимо изображений Богов и Богинь, она должна в себе хранить? Как и когда проводить перед божницей моления? Эта книга должна помочь понять сокровенный смысл божницы, научить правильно общению с домашним святилищем. Через призму древних воззрений можно подробно узнать о волшебстве, связанном с красным углом дома, и научиться применять его во благо своей семьи. Законы, выведенные пращурами, продолжают работать, невзирая на минувшие века, на политические переломы, на нашествие чужеземной религии. В своем доме человек сбрасывает маски внешнего, вновь становясь собой, и именно здесь есть место и время, чтобы обрратить свои помыслы к домашнему очагу, к своему роду, к предкам, к их языческой вере-веданью. Для того и надобна божница...

УДК 1/14
ББК 87.3

В оформлении обложки использована фотография
с резными изображениями Богов работы Яромира Великородова
(<https://mirslavbog.ru>)

ISBN 978-5-88875-818-2

© влх. Богумил Мурин
(Рязань, Содружество общин «Велесов Круг») – текст.
© Ракита (В. Бондаренко) – редаKTура.

Влх. Богумил

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1	
Имена	28
Глава 2	
Устройство	54
Глава 3	
Боги на божнице	90
Глава 4	
Сокровищница	142
Глава 5	
Этикет	186
Глава 6	
Ворожба. Бытовая магия	200
Вместо послесловия	241

Приложения

Приложение 1

Домашние молитвы до Богов	243
---------------------------------	-----

Приложение 2

Влх. Велеслав. Слово о трех капищах	254
---	-----

Приложение 3

Влх. Велеслав. О трех капищах	258
-------------------------------------	-----

Литература	262
------------------	-----

Список сокращений	288
-------------------------	-----

Об авторе	289
-----------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предметом нашего исследования будут красный угол (кут) и божница, представляющие в традиционной духовной культуре восточных славян своеобразное пространственно-смысловое единство («*В переднем углу образа*»). Строго говоря, они не являются совсем уж неделимым целым, вполне отчетливо различаясь в ряде моментов. Красный угол значим сам по себе, в силу своего расположения в доме и ориентации по отношению к солнцу. Божница также значима сама по себе, так как именно она служит средоточием священных, обладающих волшебными силами предметов, вещей, являющихся тем или иным образом знаковыми, которые собираются в семье на протяжении многих лет, а нередко и не одним поколением. Но при этом и угол, и полка в нем максимально тесно «проникают» друг в друга. Что красный угол, что божница в культуре равно значимы, и по сути своей, едины как книга и текст, в ней напечатанный, хотя и могут при необходимости восприниматься не вместе. Место в красном углу – почетно, сюда садится хозяин дома или наиболее уважаемый гость: «*В большой угол сажают хороших людей*» (ТБПК, С. 23), «*Ты, сват, постарше меня, так забирайся-ка под богов-то*» (Тенишев 2/1, С. 229), на деревенских посиделках молодежи, приуроченных к храмовым праздникам, в красном углу садился приглашенный музыкант (Громько 1986, С. 242). И в этом случае он оказывается непосредственно под божницей, под покровительством высших сил. На божницу молятся, к ней обращаются взорами и сердцами во время домашних богослужений и других обрядов. И при этом молящиеся обращены лицом к красному углу, а нередко и стоят непосредственно в прилегающей к нему зоне. Почет и святость, красный угол и божница, в нем находящаяся. Одно

дополняет другое: угол – место для божницы, а хранящиеся на божнице святыни наиболее уместно размещать в самой почетной части жилища. И уже нельзя сказать, свадебный каравай или первый сжатый сноп, которые кладут в красном углу, находятся здесь, ибо таким образом этим знаковым символам оказывается сообразный почет, или так их помещают поближе к божнице, под покровительство Богов. Скорее всего, имеет значение всё сразу, без осознанного разделения. Поэтому на протяжении нашей работы оба понятия не будут рассматриваться принципиально отдельно.

И в то же время божница как некое вместилище святынь, которое можно и нужно обустроить в своем доме, будет привлекать более пристальное внимание, потому как угол – это всё же место, точка на плане, и с ним проще и яснее. Божница же в этом смысле много сложнее – как по причине того, что она представляет собой некое сооружение, имеющее неслучайную планировку и символическое значение элементов декора, так и в связи со своим «наполнением» и применением в обрядовой практике. Потому говорить о ней нужно куда подробнее. Обладающие сакральным статусом вещи не размещают по всему дому, что, казалось бы, в некотором смысле логично, но собирают воедино, создавая мозаичную совокупность их. Волшебная сила божницы возрастает по мере включения в нее новых частиц священного – изображений Богов, сакральных по самой сути своей, возжигаемого перед молитвой огня, освященных в великие праздники крашенных яиц, скляниц с водой, соли, угля с праздничных кострищ, песка с берега чтимого озера, щепы от культового дуба, разных оберегов – от корней до когтей, текстов с заговорами... Всё это множество размещается на божнице не в хаотическом беспорядке, безо всякого смысла, но наоборот, каждое находит свое место – как сообразно внутренней логике и устройению домашнего святилища, так и с учетом символики предмета и чутья/виденья обустривающей святое место хозяйшки или хозяина. Главное место займет то, что дает основание называть деревянную полочку в углу «божницей», «боговой полкой». Это лики Богов, резные

их изображения, ставимые по старшинству/значимости в Боговом Роде или в покровительстве данной семье. Яйцо-крашенку уместно размещать на виду, поскольку нарядно и наглядно, а вот щепу от древа или корень обережной травы (чертополох, герань) можно припрятать на самый задник домашнего святилища (РРК 2, С. 522). Худа от того не будет, а нескромный глаз не углядит. Те из оберегов, что часто пользуются для лечения хвори домашних, на божнице должны оказаться ближе, чтобы быть под рукой; неиспользуемые вообще, но хранящиеся для блага дома – убраны как можно дальше, за пределы досягаемости, туда, где о них можно и забыть.

Мы будем говорить об устройении божницы, о ее наполненности – как смысловой, так и предметной, – о значении красного

Чертополох-оберег за иконой. Рязанская обл., Спасский р-н, с. Федотьево. Фото С.А. Иниковой 2004 г. (РРК 2, С. 570)

угла в системе пространства жилища восточнославянских народов, о справляемых здесь обрядах. Данная тема может оказаться важной не только для последователей возрождающейся веры предков – славянского язычества, родноверия, – но и всех, интересующихся духовной культурой своего народа, своими корнями. Для этого книга будет построена по принципу исследования с поэтапной подачей материала. Первое необходимо, чтобы разобраться в некоторых темных вопросах и ввести читателя в курс дела. Второе – для удобства пользования публикуемыми сведениями. Книга, таким образом, носит в том числе и практический характер. Красный угол и связанные с ним обряды являются частью славянской языческой культуры и именно в таком качестве рассматриваются на страницах данной работы. Наша цель – как можно полнее представить сведения о значении домашнего святилища в жизни наших предков, дабы дать возможность нам самим, их потомкам, обратиться к этому наследию, введя в свой быт повседневную практику обращения к Родным Богам – домашнее, семейное богомолье. Родная вера начинается в сердце и хранится в семье, как исконная духовность. Но, говоря о родной вере, об истоках, вместе с тем в книге мы будем постоянно приводить названия и имена другой культуры – христианской православной традиции.

Как же так? Как можно упоминать вместе исконное и пришлое, свое и чужое, святоотеческое и вражеское? Как это всё сочетается в пределах книги, нет ли здесь путаницы? Действительно, это важный момент, и обговорить его необходимо как можно подробнее, дабы в дальнейшем у читателя не возникало вопроса, почему автор говорит о язычестве, древних Богах, дохристианских обрядах, архаике, и тут же приводит примеры, где фигурируют иконы, персонажи христианских мифов (Иисус, Богородица, святые), ладан и «осенение» себя знаком креста. Во-первых, такая ситуация обусловлена самим характером работы: необходимо предельно точно следовать источникам, как цитируемым, так и пересказываемым, ибо именно они служат одной из основ для нашей реконструкции дохристианских духовных представлений и обрядов. Впрочем, реконструкции –

это громко сказано. Реконструировать в истинном значении это слово особо ничего не надо, ибо всё лежит на поверхности. За незначительным налетом христианского, обрядность божницы насквозь языческая. Во-вторых, названия и предметы из христианского канона пришли в обиход прадедов не на пустое место, а заменяя собой издревле существовавшие понятия. Заменяя лишь по имени, звучанию (да и то не всегда), но никак не по смыслу. Иконы, образа, ладан, крест, Христос, Богородица... Всё это – не наше по происхождению, однако в народном православии за всем этим кроется что угодно, только не христианские понятия. Разница столь же велика, как между теорией и практикой. Стоит удалить налет – избавиться от чужеродных терминов, – и незамедлительно обнаружится древняя суть.

Давайте разберемся на конкретных примерах.

Любой изучавший традиционную культуру восточных славян в той или иной мере согласен с мыслью, что язычество прекрасно сохранилось в народе, в так называемом «народном православии». Собственно, православия там как раз исчезающе мало – только внешняя оболочка, под которой прячется кипучее ядро вечно живого язычества. Красный угол и проводимые в его пределах обряды относятся как раз к языческому наследию, и имеются все основания утверждать, что идея и образ божницы ни в коем разе не христианские. С одной стороны, апологеты христианского культа в своих произведениях этот момент – поклонение перед домашним святилищем – никак не оговаривают вообще, да и вряд ли ревнивое христианство могло породить внутри себя такое явление, как божница, столь насыщенное чуждыми ему магическими аксессуарами. С другой стороны – археологические находки, о которых речь еще впереди, едва ли не вся этнография, а равно и параллели из традиций дохристианских и нехристианских народов¹, свидетельствуют о том, что

---

¹ В качестве контрастного примера можно указать хотя бы такой: «У кабардинцев почетным является место, наиболее удаленное от входной двери. Его занимает самый старший по возрасту» (Сулименко, С. 43). Почетное место – красный угол – у славян точно так же отнесен от дверного проема как можно дальше.

представление о красном углу было выработано не христианами и задолго до появления их религии. Можно процитировать: «Сведения о наличии **красного угла** в древнерусской традиции исследователи относят ко времени не позже XIII в. Однако красный угол как место локализации домашних божеств мог сакрализироваться задолго до принятия христианства» (Криничная, С. 29), «Принято считать, что **красный угол** появился в крестьянских избах еще в глубокой древности. М.Г. Рабинович относил его возникновение к XIII в., а А.К. Байбурин, видимо, даже к X-XI вв. В подтверждение этой версии исследователи ссылаются на известную работу П.А. Раппопорта о древнерусском жилище, причем на то ее место, где говорится, что печь у русских стала располагаться у входа в X-XI вв. /.../ Существует версия и более раннего происхождения красного угла, согласно которой он является наследием язычества. Эту гипотезу в разное время высказывали различные исследователи, в том числе и такие известные ученые, как Б.А. Рыбаков и А.А. Шенников» (Слудняков, С. 254), «До принятия христианства **большой угол** в избе служил, скорее всего, местом почитания домашних духов, поэтому многие из предметов, которые хранились в божнице, имели явно языческую символику» (Логинов 1992, С. 105). Безусловно, это так, и мы в дальнейшем максимально подробно рассмотрим весьма далекий от христианства набор предметов, собранный на божнице.

Почему дохристианская божница – место, где в языческое время стояли небольшие изваяния Богов, не исчезла после «крещения Руси», легко объяснимо. Она как данность – необходимость верующему человеку иметь в доме объект и место для отправления культа – не противоречит христианской доктрине, потому и сохранилась от давних времен. Несколько передвижек на божнице, поставлены три-четыре иконы вместо изображений Богов, – и вот уже готова картина «сусально-христианская иконно-православная Русь-матушка». К этой мысли отечественные исследователи пришли еще в пору становления этнографии как науки: «нельзя сомневаться, что в более древнее время место их (икон, – Б.М.) заступали священные изображения пенатов»

(Афанасьев 2, С. 118). Замена оказалась чисто формальной, и по факту совершаемых перед божницей обрядов, хранимых на ней предметах, отношением к ней божница остается всё тем же языческим домашним святилищем, что и до насаждения христианства. Если на то пошло, то даже иконы, занявшие место изображений Богов, – такая, казалось бы, несомненно, христианская вещь, – именно в этом случае исключительно христианскими предметами не являются. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на то, как народ обращался с иконой, как ее именовал и воспринимал. Иконы заменили на божнице прежние изображения Богов не столько в плане вероисповедальном, сколько по сути, просто заняв их место и перенеся на себя все функции, все положенные обряды, моления, украшения и подношения. Перенеся даже само имя Богов! Для простого селянина икона – не отвлеченное изображение Бога или святых, но вполне предметное воплощение Божества, Бог в малости. Тут давайте обратимся к примерам, историческим и языковым.

Весьма много таких приводит в своем уже ставшем классическим труде Б.А. Успенский, открыв тему недвусмысленными словами: «Наименование икон «богами» достаточно обычное явление на Руси» (Успенский, С. 118). Задолго до него вопрос затронул А. Балов: «До сих пор простой народ во многих местах называет иконы «богами», а полку, на которой помещаются иконы, «божницею». «Всех Богов с божницы снимет», говорит народная пословица о человеке, который любит кстати и некстати «призывать имя Божие всеуе»» (Балов, С. 218), вологодские крестьяне под большой праздник могли заменить обыденные иконы на божнице иконами праздничными, более дорогими, яркими, при этом, оценивая свои старания, говорили: «Ну теперь заправскэй праздник, не стыдно и крештоным зайти: **богов переминили**, всяково места напашено» (Тенишев 5/4, С. 290). Но вернемся к Б.А. Успенскому: «Анонимный английский автор (из окружения А. Дженкинсона), оставивший описание России середины XVI в., писал по этому поводу: «Во всей стране [России] нет ни одного учителя для наставления народа, так что многие, большая часть бедняков, на вопрос

«сколько богов» – ответила бы «очень много», так как они считают всякий имеющийся у них образ за бога». /.../ Отметим, что сакральные изображения, по-видимому, могли называться «богами» и у южных славян. /.../ См. также записанный Бодуэном (1904) у терских славян рассказ о том, как некий капеллан «продавал богов (boğè prodáju)»; А. Марков (1907) считает, что здесь имеются в виду изображения святых, т.е. слово «бог» употребляется в таком же значении, как в русском языке» (Успенский, С. 118-119).

И далее – любопытная деталь, напрямую связываемая исследователем с древней верой славян: «Весьма показателен в этом отношении обычай поклоняться только своим иконам, который восходит к обычаю поклоняться своим богам (идолам) в языческом культе (ср. в этой связи пословицы явно языческого происхождения: «Чужих богов шукае, а своих дома мае», «Нащо ты другого бога взываешь, коли своего маешь», «Где жить, тем богам и молиться» и т.п.). Этот обычай сохранился еще в XVII в. Майерберг, посетивший Россию в 1661 г., сообщает, что каждый помещал в церкви свою собственную икону и во время богослужения только перед ней ставил свечи и только ей молился. Если владелец иконы заставлял перед ней кого-нибудь за молитвой, он говорил: «Заведи себе сам какого-нибудь бога и молись ему, сколько душе угодно, а чужими не пользуйся!»» (Успенский, С. 182), «Анонимный польский автор, оставивший описание московского восстания 1682 г., сообщает, что в правление царя Федора Алексеевича «предполагалось выбрасывать из церкви те иконы, которые каждый из них [русских] считает своим Богом и не позволяет никому другому поклоняться и ставить зажженных свечей» (Дневник избиения московских бояр)» (Успенский, С. 183). Вариант описанного выше поклонения «своему Богу» до недавнего времени сохранился в свадебном обряде: «интересный ритуал, сохранивший отголоски веры в покровительство родовых Богов, записан в Мещере: во дворе невесты раздается громкий возглас: «*Господа поезжане, помолитесь нашему Богу*» – и в прорубленное в сенях окно показывает икону; также все поезжане молятся

в доме молодого» (Самоделова 1993, С. 222-223). При этом молодая берет с собой в дом мужа как приданое Бога-икону, которым ее благословили перед поездкой к венцу (молодые «*поедут, значит, в церкву, богом благословят*» (Востриков 3, С. 133)), чтобы прибавить на семейную божницу своего личного Бога-покровителя, пената.

Это было самым настоящим язычеством, и уж если церковь не стала или не смогла бороться с божницами, то с «неблагочестивым» отношением к иконам она попыталась – хотя и безуспешно – состязаться, совершенно справедливо полагая «неподобающее» именование образов явным свидетельством крестьянского многобожия: «со второй половины XVII в. обычай называть иконы «богами» осуждается русской церковью как языческий или еретический. Собор 1667 г. специально отмечает, что «не искуснии людие своя си иконы боги своя именуют, чесо ради явствуются не знати единства Божія, паче же многобожіе непщевати» («Деяния соборов 1666 и 1667 гг.»). Соответственно, в XVIII в. на исповеди могли спрашивать: «Образы святыя богами не называешь ли?» («Книга об исповеди, избранная от разных книг», рукопись начала XVIII в.). В «Последовании о исповедании» Гавриила Бужинского подчеркивается, что тот, «хто иконы святыя богом называет, и на нихъ надеется какъ на бога», погрешает против второй заповеди, т. е. является идолопоклонником: «иконы зделаны, и переносятца с места на место, и поставляютца руками человеческими, и подлежать всякому тленію, гнилости и огню и хто такую вещь тленную называет богом и на нее надеется, тотъ велми согрешаетъ» (Гавриил Бужинский, 1723)» (Успенский, С. 118). Феофан Прокопович, сетуя на прегрешения паствы, среди прочих упоминает как раз это: «*боготворити иконы*» (Смилянская 2006, С. 22). Одними выговорами с амвонов и выпрашиваниями в исповедальне дела заканчивались не всегда. В 1735 г. крестьянин Петр Иванов был наказан «гражданским наказанием» за то, что «икону Богом назвал» (Смилянская, С. 215). Но, как уже говорилось, борьба была пустопорожней, о чем свидетельствует обильный языковой

материал, собранный в наше время для диалектных словарей русского языка. Иконы как называли, так и продолжали называть по-старинке: «бог», «божество», «боженька», «божка», «божечка», «боженёнок», «богушко», мн. «боги», «боженки», «богушки», «боженята», и даже икона Богоматери обыденно именовалась «богом» (СРНГ 3, С. 41)², что непосредственно связано с обычаем языческих славян данным обобщенным термином именовать не только Богов как силы, которым они поклонялись, но также их небольшие изображения, используемые в домашней культовой практике. На вопрос собирателя, как информантка обращается к иконе Иисуса, был получен ответ: «*И вы, боженьки, спасите, сохраните*» (Ляхова). Составители диалектных словарей совершенно верно использовали для слова «бог/боги» с таким значением написание не с заглавной, а со строчной буквы. Именно так оно и должно было восприниматься нашими предками – без особого пиетета, связанного с понятием «Бог/Боги». Изображение Бога – это еще не сам Бог. С этим как раз сильно промахнулись «крестители Руси», разрушая языческие капища. Они уничтожали лишь дело рук мастерового человека («языческую прелесть», так сказать), но, разумеется, никак не самих Богов. Богов этим даже не осквернить.

Совершенно по-язычески, без упомянутого трепета, который, казалось бы, должен был ощущаться по отношению к церковной освященной вещи с изображением персонажей христианской мифологии, селянин относился к своим домашним иконам. Нет, он молился перед ними в положенное время, приносил дары, украшал и очищал их, активно использовал в магической практике, но при этом рациональный подход к святыне никуда не девался. И если икона не помогала, значит, это была плохая икона, плохой бог, которого следовало приструнить, как это делали с расшалившимся домовым. Дух духом, но если домовый, которого кормят со всем почетом и уважением, которого

² Ср. у нганасан: словом «*койка*» они обозначают «материальные воплощения второстепенных духов-хозяев», а православную икону нганасаны именуют «*русским койка*» (Попов 1984, С. 66).

стараются не спугнуть и не ходить в неурочное время в те части жилища, где он любит показывать, вдруг начинал хулиганить, то ничто не мешало домохозяину наказать его, отхлестав кнутом, вымазанным в дегте (РДС, С. 142-143). Икона также могла быть наказана, выглядя в глазах обычного крестьянина самоценной сущностью³, а уж никак не изображением сцены из евангельских событий. Ее могли высечь, выставить под непогоду, выколоть глаза, расколоть и даже просто уничтожить, если молитвы, к ней обращенные, были напрасны и семью поразили несчастья. «По свидетельствам иностранцев (Олеарий и др.), в случае невыполнения обращенной к святому просьбы русские применяли наказание иконы – битье (ср. сюжет «Наказанная икона», СУС 849** (бел.)⁴, рус. поговорку «Взять боженьку за ноженьку, да об пол»), т.е. икона воспринималась как своеобразный материальный и одушевленный «двойник» Бога или святого. Отмечены случаи переворачивания икон (туль.), «ослепления», выбрасывания (обворованный крестьянин бросил икону в навоз, сказав: «Я тебе молюсь, а ты меня от врагов не оберегаешь»), сжигания» (СД 2, С. 401). Известны примеры, когда крестьяне, находясь в состоянии эмоционального стресса от навалившихся на них бед («в сердцах»), уничтожали иконы

³ В этой связи интересна быличка, повествующая о некотором самостоятельном поведении икон: «Случай был у одной женщины. У них сейчас нет никого, все уже умерли. У них из дома просто ушли иконы. Никто не взял, никто ничего – ушли иконы из дома. Его запирали все время на замок. Не то они не веровали ёму (Богу, – Ю.Ш.), а ушли и все» (НХЛ, № 77).

⁴ Наказание проштрафившейся иконы в упомянутом тексте выглядит так: «Мужык плюнуў у жменю, выразаў добру папліску (палку, – Б.М.) і давай лупіць сьвятаго угодніка» (Пяткевіч, С. 442). Также стоит привести пример сюжета СУС 849* «Крест (образ) – порука». Бедняк берет у богатого денег взаймы, клянясь перед иконой Христа или Николая, что непременно вернет их. Может прозвучать даже прямое поручительство: «Я тебе принесу в поручители Спасителя, русского Бога (то есть, икону)» (Садовников Самара, № 101), «Отдам, за миня Микола поручитце» (Смирнов А, № 51). Не получив обещанного, богач угрожает «поручителю»-иконе: «Давай гроші, а то очі повиколюю, бо ти-ж ручався за старога» (Успенский, С. 93); должник помирает, и тогда богач негодует: «Исколю, говорит, образ Николая Чудотворца, пускай моя мерка пропадает!» (Соколовы, № 38).

доступными способами: «В 1611 году шведский полководец Делагарди занял Новгород, причем все было предано огню. Один русский, желая спасти свой дом от разрушения, выставил икону св. Николая и молился перед нею, чтобы его дом был спасен от пожара. Молитва не была услышана, пожар скоро охватил его дом. Обманутый в своих надеждах, раздраженный хозяин иконы бросил ее с досады в огонь, сказав: «Ты не хотела помочь мне, теперь помоги себе самой!»» (Рущинский, С. 78-79).

Языческим является и другой подход, но уже к иконам, служившим верой и правдой, помогавшим людям в ответ на их просьбы. Их украшали дорогими вещами, делали к ним «привесы», собственно – приносили жертвенные дары в благодарность за помощь, что совершенно не вяжется с христианскими установками и является с точки зрения христианского культа подлинным идолопоклонством: «известно о достаточно широко распространенной традиции украшать иконы ризами, вешать на иконы заветные вещи: кресты, бусы, кольца, платки (если болит голова), отрезы (если болит тело), чулки (если ноги болят), ленты и т.п.» (Лаврентьева, С. 344), «Подоснова этого обряда не вызывает никакого сомнения – он смыкался с фиксируемой этнографическими наблюдениями традицией привешивать к иконам «серебряные, желяные или вышитые изображения частей тела, об исцелении которых молились (вотивные подвески или заветное шитье), а также одежды с большой части тела». Тем самым, привесы являлись выражением обета, тем, что паломник приносил с собой к святыне» (Лавров, С. 410). Да, обычное жертвоприношение. Что важно для нашей работы, это делалось не только в церквях: пищевые жертвоприношения (чему в дальнейшем будет дано немало примеров) ставились на божницу в домах частным образом; известны также редкие случаи поднесения на божницу и других даров, тех самых «привесов». В 1722 г. Петр I издает указ, согласно которому полагалось бороться с этим языческим ритуалом: «отныне впредь во всех Российскаго государства церквях привесов к образам, то есть златых и серебряных монет, и копеек, и всякой кузни, и прочаго приносимого, не

привешивать» (Лавров, С. 410)⁵. Среди украшений-пожертвований можно выделить предметы явно языческого происхождения: «цаты (подвесные лунообразные подвески) или лунницы и гривенки. Обычно у образа могло быть по одной цате и до нескольких гривенок, причем для последних к образам могли присоединяться даже «пруты»» (Лавров, С. 411). Иеродиакон Савватий (Иванов), в 1723 г. посетивший посадскую церковь в Коломне, в ужасе писал об увиденном им едва ли не языческом идоле с положенными ему от богомольцев дарами: «усмотрил на правой стороне местной образ Николая Чюдотворца резной большой, на главе онаго образа Николая Чюдотворца шапка деревянная опушена горностаем белым, /.../ и вокруг оная шапка низана жемчугом средним и мелким» (Лавров, С. 423). Когда священника этой церкви Прохора Спиридонова отправили на допрос, судья-иеромонах отнюдь не случайно бросил ему обвинение: «Что де вы кланяется болвану» (Лавров, С. 424). Ну и возвращаясь к сказанному о домашних иконах и даров к ним. В материалах следствия есть дело вдовы Марии Степановой 58-и лет от роду, привлеченной к суду в 1738 г. за хранение в доме «чудотворной» иконы Казанской Богоматери и принятия для нее даров-привесов (Лавров, С. 236). Пообещав иконе, доставшейся ей от родителей, поставить неугасимую лампаду в случае избавления от тяжелой болезни, она так и поступила. Узнав о чудесном исцелении, в дом Степановой потянулись страждущие,

⁵ Запрет, естественно, ни к чему не приведший. В 1877 году Этнографический отдел Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии слушал доклад А.И. Кельсиева: «В бытность в г. Архангельске внимание докладчика было привлечено продаваемыми на рынке серебряными фигурами местной работы. Это так называемые привесы к иконам. Заболит у благочестивого человека глаз, грудь, нога, размножится его скотинка, он покупает у торговки изображение страдающего предмета, а в горе покупает просто «серебряное сердце», вешает покупку на розовой тесемочке к чтимой им иконе и затем терпеливо ожидает облегчения. Обычай этот весьма распространен в Архангельской губернии и старинные иконы увешаны такими ex-voto. При этом референт представил 17 изображений, носящих названия: женский человек, мужской человек, просто человек (дитя), грудка, головушка, глазок, коровушка, лошадка. Все эти фигурки замечательны архаизмом очертаний» (Протоколы заседаний Этнографического отдела // Труды ЭО ИЮЛЕАЭ. Т. VII. – М., 1886, С. 2).

и продолжалось это с 1723 г. по 1738 г. Привесы хранительница отдала кузнецу, чтобы тот сделал серебряный оклад иконе, а на жертвенные деньги купила жемчуга на украшение ее и подсвечник, т.е. на свое усмотрение переорганизовала сакральные ценности (Лавров, С. 237). Оцените сами, насколько такое поклонение далеко от философско-религиозного учения, проповедуемого еврейским мистиком начала первого тысячелетия н.э.

Наконец, языческим со всей очевидностью следует признать и подход к иконам, отжившим своё: *«Иконы выбрасывать нильзя», «[Можно выбрасывать старую икону?] Ну если чево, так выбрасывают. Знаешь, в чиво выбрасывают... в проточную воду», «[Старую икону можно выбросить?] М-м... [нет] Даже в печке сжигать низя. [А что с ней делать?] А лучше закопай, выбрасывать низя»* (Ляхова), «Не менее характерно и то, как поступали с обветшавшими иконами: обыкновенно их пускали по воде или иногда зарывали на кладбище, однако ни в коем случае не сжигали и вообще не уничтожали каким бы то ни было образом. /.../ Подобно иконам, по воде пускали ненужные богослужебные книги, а также высохшие просфоры. Но совершенно аналогично поступали с сакральными предметами и в языческих по своему происхождению обрядах: так, например, по совершении обряда «троецыплетницы», как констатирует Зеленин, «все остатки от обрядовой курицы бросаются в воду, а если нет поблизости реки или ручья, то закапываются в землю. /.../» В основе данного обычая лежит, возможно, представление о том, что соответствующие предметы должны приплыть на тот свет, т. е. в ирий /.../. Нельзя не отметить при этом, что и языческие идолы во времена христианизации Руси по большей части не сжигались, а именно пускались по воде» (Успенский, С. 185-186). Последний пример, наиболее известный в случае киевского изваяния Перуна⁶, говорит сам за себя, ибо какие еще нужны параллели?

⁶ «и прииде к Новугороду архиепискуп Яким, и требище разори, и Перуна посече и повеле въврещи в Волхов, и повязавше ужи, влечахуть и по калу, биюще жезлием и пихающе, и в то время вшел бе в Перуна бес, и нача кричати: о горе, ох мне! достахся немилостивым сим рукам; и вринуша его в Волхов» (Киевская начальная летопись, 991 г.).

То, что иконы, несмотря на их христианское происхождение, заменяют собой прежние домашние языческие изображения Богов, также следует и из совершенно языческих поверий, с ними связанных: «**Даст трещину икона или упадет на пол – в доме будет покойник или случится с кем-нибудь из домашних несчастье**» (Балов, С. 219)⁷, «**Если иконы, мебель и стены трещат, то тоже будет покойник**» (Ефименко 2009, С. 435), «Ольга Васильевна Ушакова (Лекшмозеро), плача, рассказывала об утере своей особо почитаемой иконы св. Макария, доставшей ей от деда-священника: «Прошлый год кто-то забрался, украл. А **икона** просилась, несколько раз **выпала из божницы**. А я не разгадала, и никто не подсказал, у всех спрашивала: «Что это, говорю, старухи, у меня икона из божницы все падает?» Только потом поняла: это она просилась унести!»» (Мелехова-Носов 2, С. 112). Языческими были и остаются обряды, требующие непосредственного использования икон: «Для предотвращения удара грома икону ставили на окно лицом на улицу (вологод.). /.../ При гаданиях в центр очерченного круга клали икону изображением вниз, на икону ставили хлеб и соль (архангел.)» (СД 2, С. 401); икону используют для гадания методом маятника для определения имени вора (Смирнов, С. 129); иконы и смывают с них воду применяли для лечения ряда болезней⁸. О том, сколь широко в народе

⁷ Ср. определенно сходное по смыслу толкование из древнегреческого сонника, относящееся к изображениям Богов: «Изваяния Богов имеют тот же смысл, что сами Боги. /.../ какие Боги снятся к добру, сами ли, в виде ли статуй, те и статуи к добру видеть **неповрежденными и неразбитыми**» (Артемидор. Онейрокритика. II.39). Следовательно, наоборот, подобные повреждения предвещают нечто худое, как и в приводимых приметах. Боги, «снящиеся к добру», – светлые Божества; на домашней божнице держали изображения именно таких Богов, и иконы здесь вписались в обычную практику, ведь нет изображений «злых святых». Исключение представляет разве что икона со св. Кассианом Римским, которую дома как раз не держали. На Кассиана-Касьяна были перенесены черты древнего Кошья/Чернобога, в связи с чем он попал у народа в «черный список».

⁸ Ср. «*Лечить божествѣм* – лечить молитвами. «*Валишебницах ни было, у нас бажыством лячили*» (Сердюкова, С. 34), при том, что «богом», «божеством» может именоваться и образ.

понимался образ иконы (тут уж прошу простить за случайную игру слов), свидетельствует документально зафиксированный случай, заодно демонстрирующий, насколько неразрывна и даже неизбежна была связь между иконами и дохристианскими «богами»-изображениями. В.П. Орфинский в иконостасе Никитской часовни (д. Матчезеро) обнаружил «стилизированные изображения луны и солнца не в виде иконографического аккомпанемента, а в качестве самостоятельных «икон». Размеры «иконы» имели следующие: «Луна» – 13,5×22,7×4 см; «Солнце» – 12,5×22,5×3,7 см» (Орфинский, С. 38). Иконами местные жители считали и почитали совершенно выпадающие из рамок христианского культа изображения светил! Светила, как известно, почитаются в языческой религии – непосредственно⁹ или через образы Богов, с ними связываемых¹⁰. Упомянутым «иконам» поклонялись, как поклонялись домашним «богам» много веков назад, задолго до христианского нашествия. Любопытно также привести текст белорусского заговора, где светила поставлены в один ряд с небесными силами христианского пантеона, что опять же никак не вяжется с христианством, но полностью соответствует языческому подходу: *«Ішоў Бог дарогай, сустрэў сонца і красны месяц, сустрэў трох ангелаў»* (Замовы 1, № 2269). Образы светил за-свидетельствованы и в оформлении божницы из Медвежье-горского района Карелии, как символика, несомненно, придающая божнице дополнительную сакральность и связанная

---

⁹ «Слово Иоанна Златоуста»: «и начаша жрети молнии и грому и солнцу и луне», «Слово Кирилла архиепископа кипринского»: «А не нарицаите себе Б(о)га на земли, ни в реке, ни в студенца(х) /.../ на в с(о)лнцци, ни в луне» (Гальковский 2, С. 59, 69), «Послание архиепископа Макария великому князю Ивану Васильевичу» (1534 г.): «Суть же скверные молбища их лес, и каменеие, и реки, и блата, источники, и горы, и холми, солнце, и месяц, и звезды, и езера». «Хождение Богородицы по мукам» (XII в.): «веровали в то, что сотворил нам Бог для трудов наших, прозвав это Богами: солнце и месяц, землю и воду...».

¹⁰ «Ипатьевская летопись» под 1114 г. содержит вставку из Хроники Иоанна Малалы, посвященную Гефесту: «...бог Сварог. И по сём царствова сын его, именем Солнце, его же наричуть Дажьбог... Солнце царь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог, бе бо муж силен».

с ориентацией красного угла на восток: «четыре резных знака солнца, нанесенных по углам двух горизонтальных досок божницы» (Вишневская, С. 8. Рис. 5)¹¹.

Надо отметить, что, невзирая на века торжества официального христианства, в языковой среде представление о Богах удержалось не только в плане именования икон, функционально заменивших древние изображения Богов. О красиво убравшихся святочных ряженных могли сказать: «*Баские-то это как Боги*» (Востриков 1, С. 20). В быличке, записанной у русских Казахстана, рассказывается о явлении в дом персонифицированной смерти (собственно, Мары): «*вошла женщина, вся в белом. /.../ Одежда на ней вся белая, как на иконах рисовали Богинь*» (Цветкова, № 106). В народной пьесе (по-местному – «наговоры») «Царь Максимилиан», в данном случае (Костромское Поволжье) отыгрывавшейся на свадьбе, одним из персонажей была «Богиня» – «*нарядная была*», «*как жена Царя считалась*» (Гордиенко 2001, С. 21). Примечательно, что в той же пьесе персонаж «Адольф», сын «царя Максемьяна», отрекающийся от отцовских «кумерических» (здесь замененных на несколько более понятных «католических») Богов, говорит родителю: «*Я твои боги кидая под свои под скорыя ноги, по уши в грязь (в)топчу, вашим богам кланяться не хочу!*» (Гордиенко 2001, С. 22). Это применимо как к малым изображениям семейных «кумиров», так и домашним иконам-«богам» как к понятному образу-идее. Что опять же возвращает нас к восприятию икон отнюдь не христианским образом – втапывание святынь в грязь соответствует не только известному в традиции поруганию таким образом икон-«богов»¹², но и выкидыванию в нечистоты «провинившихся» образов. Ср. также представление украинцев об инородцах: «*У їх, у тих бусурмен, не так, як у нас: у їх єсть і Бог, і Богиня, і Боженята*» (Чабаненко, С. 94).

¹¹ В этой связи интересно также упомянуть ситуацию из сказки – ключи от Солнца и Месяца хранятся у Бабы Яги, «*под передним углом избушки*» (Смирнов А, № 304).

¹² «Желающий стать колдуном или ведьмой должен был встать на икону (иногда положенную ликом на землю), в т.ч. на ту, которой его благословили родители при вступлении в брак (рус., укр.)» (СД 2, С. 401).

На Русском Севере рядили «покойника» – на лавку клали парня, одетого в рванину, а на грудь ему «иконку» с «*мужским или женским богом*», в которых угадывались изображения половых органов (Морозов 1998, С. 237). В русской мифологической лексике обнаруживаем немало примеров того, как сохранялась память о Богах, пусть и переведенных на уровень персонажей меньшей значимости: «*Об этом знает только Бог да маленькие боженьята*», «*Какая плохая погода-то, ничего не растет. Христос-то на фронте занят, а боженьята разве знают, какую погоду надо*»; представление о множестве Богов (точнее, дуализме Чернобог/Белобог) можно видеть в присказке: «*Один Бог мочит, другой сушит*», и заговорном тексте: «*Бог над землей, Бог под землей*»; память народная удержала образы Богов, покровительствующих конкретным сферам бытия: «*Не гневи детинного Бога*», «*Бело Бог в помощь!*» (Черепанова, С. 19, 20).

Наконец, и сам народ, отходя от православных догматов в мистическое сектантство, неожиданно обнаруживал понимание икон как идолов, используя – парадокс! – христианскую обличительную терминологию и опираясь на христианское же писание. Согласно доносу местного попа своему начальству, 31 марта 1802 г. крестьяне с. Прасковей Гергиевского у. Кавказской губ. пришли к нему в дом «и сказали, что мы отказываемся от вашей веры и от вашей церкви и не ходите к нам в дома с вашими требами. А мы сами будем всякие требы исправлять и называют святые образа, ето у вас кумира и идолы и болваны»; в 1803 г. крестьяне с. Высоцкого принесли к попу «в полах завернутые из домов своих святыя иконы, говоря при том, что прими от нас болванов, а естли не примешь, то мы оные поколем» (Львов, С. 53). Факт подмены прежних языческих изображений иконами доходил (больше наставлениями сектантских проповедников) до ищущих «истинного христианства» крестьян, и весьма неприглядная истина представляла перед глазами верующего, готового в порыве неопита привычно братья за топор...

Что ж, мы разобрались с иконами, обнаружив, что, за исключением самого происхождения данной категории сакральных

предметов, в них нет ничего христианского. С того момента, как иконы встали на место языческих изображений Богов, практически ничего в обрядовой жизни земледельца не изменилось. Новые детали (наложение на себя креста, ладан), разумеется, появились, но всё это были только поверхностные изменения; коренной ломки, затрагивающей основы, не произошло, и соблюдение обычая продолжалось с учетом вновь возникших нюансов. К слову сказать, а на самом ли деле иконы *заменяли* изображения Богов, вытеснив их? Дело в том, что есть основания в этом сомневаться. Мы уже говорили об «иконах»-светилах, мирно сосуществовавших с вполне христианскими иконами. Но известны и более поразительные примеры сосуществования поверхностно-христианского и архаично-языческого. Речь идет о куклах-«панках», которых исследователи обнаружили... стоящими за иконами у жителей деревень Русского Севера. Предельная простота их исполнения и одновременно с этим удивительная монументальность, выдающая многовековую устоявшуюся традицию – не побоюсь даже сказать «канон»! – свидетельствует, что перед нами вовсе не детские игрушки, невесть каким образом оказавшиеся спрятанными в священных пределах, непосредственно за чтимые лики. Это как раз они, те самые домашние изображения-«боги», о которых задолго до этнографических и археологических подтверждений тому прозорливо говорил А.Н. Афанасьев: «Домашние пенаты (деды) принимали постоянное участие в этой семейной трапезе, и по всему вероятно, их **священные изображения (малые кумиры) стояли в старину** где-нибудь вблизи – в нишах очага (печурках)¹³ или **на полках переднего угла**, а в обеденную пору были приносимы на стол» (Афанасьев 2, С. 111-112). Ему вторил Л. Нидерле, издавший свои «Славянские древности» в начале XX в., т.е. опять же до того, как раскопки в Новгороде обнаружили домашние изображения Божеств: «Помимо статуи Богов, в домашнем обиходе имелись также и **небольшие идо-лы демонов** низшего разряда, особенно пенаты, **ставившиеся**

¹³ У селькупов изображения семейных духов держали «в «сыкты» («моктчинги») – «святом месте чума за очагом» (Степанова, С. 231).

на очаг или в углу против печи, и если на Украине и Польше такой угол и полку, на которую ставят святые иконы, называют «божник», а сами иконы – «боги», то это явная реминисценция древнего языческого периода» (Нидерле, С. 320-321).

Впрочем, обо всём этом много подробнее мы поговорим в свое время.

Только иконами набор сакрального на божнице не исчерпывается. Там хранилось немало предметов, связанных с христианским культом. Вот только связанных, опять же, поверхностно, и подлинно христианскими ни по происхождению, ни по духу на поздней божнице не являются ни украшающие ее рушники, ни свечи, ни яйца. Все это – вполне языческие культовые атрибуты, красноречивые и значимые. Расписанные архаичными знаками яйца являются известным символом вечной жизни, рождения и смерти. Украшенные языческой символикой рушники, дивной игрой белого полотнища (цвет чистоты) и красным цветом вышивки (знаменующей солнце и жизнь) обрамлявшие божницу – чистое язычество: «Важно то, что полотенца-«набожники» сохранили свое почетное место в красном углу избы, на полочке для икон (божнице), и вышитые на полотенцах языческие богини уживались с христианскими святыми. Вероятно, красный угол – исконное древнее место для языческих убрисов, а полотно играло в свое время роль иконной доски, и на него наносились священные языческие изображения, предшествовавшие иконам. Поэтому мы должны с особым вниманием относиться к вышивкам на полотенцах, на этих языческих иконостасах, полных глубокой архаики» (ЯДС, С. 76). О свече также можно сказать цитатой: «Традиция зажигания свечи в качестве специального источника огня и света при проведении (или все-таки правильнее сказать – для?) особого действия уходит корнями в глубокую древность. Известно, что задолго до древних римлян, которые в середине I тысячелетия до н.э. наряду с обычными масляными светильниками и факелами пользовались твердыми жировыми свечами, у жителей Крита и Египта были в ходу свечи из пчелиного воска» (Никитина 2008, С. 3). Да, христиане приспособили язы-

ческие атрибуты для своего культа, или даже, лучше сказать, смирились с ними (и тут я говорю не о мирянах, а о лицах, пришедшую веру насаждавших всеми доступными способами), но стали ли они от этого христианскими? Риторический вопрос.

Хранящееся на божнице «священное писание»¹⁴ заменило, но не вытеснило полностью списки обережных заговоров, по-прежнему – вплоть до настоящего времени! – возлагаемые поближе к домашним Богам-хранителям. Но опять же, зная, как в народе использовали библию с псалтырем «не по назначению», приходишь к мысли об «оязычивании» чужих культовых предметов¹⁵. Вроде бы христианским символом можно считать ладан. Но даже используемое для его воскурения кадило, невзирая на явное стремление крестьянина подражать с его помощью церковной обстановке, на практике оказывается частичной заменой обережных и исцеляющих курений, известных женской магической практики. И эти курения были известны до христианства. Как раз оно само позаимствовало эту литургическую деталь у своих предшественников времен античности¹⁶. У славян такими благовониями и очищающими веществами были сжигаемые в глиняной плошке можжевельник, мята, Melissa, чабрец. Умиряющего окуривали кадильницей: «Если ладану не случится – богородской травой» (Виноградов 2009, С. 62). В ходе шуточных святочных похорон «старухи окуривали «покойника» травкой богородской (чабрецом)» (Морозов 1996, С. 256). Отелившуюся корову и теленка для очищения окуривали ладаном... в который добавляли какую-либо траву, широко применяемую в народной медицине

¹⁴ «Евангелие, букварь хранили в божнице» (СД 2, С. 514).

¹⁵ «обветшавшую книгу не выбрасывали, а пускали по воду или относили на высокое место (колокольню) /.../ Библия, положенная на могилу «ходячего» покойника, служила оберегом. /.../ искатель цветка папоротника использует краденое Евангелие» (СД 2, С. 514); гадание при помощи Псалтыря описано И. Сахаровым (Сахаров, С. 117-118).

¹⁶ Ср., например, типичные пометки к орфическим гимнам, указывающие, какие благовония надлежит воскуривать Божеству во время службы: гимн Кроносу (фимиам, стиракта), Гермесу (фимиам, ладан), Асклепию (фимиам, манна) (АГ, С. 195, 208, 247).

и магии: чабрец, репейник, душицу, мяту, сорокоприточник (герань луговая), можжевельник, мох (Журавлев, С. 46). Так что же на божнице христианского?! Остается разве что символ христианской религии – резной или металлический крест, который был подлинно христианским предметом на божнице, не имеющим никакого отношения к древней вере предков. Да и то, вспоминая о его происхождении из дохристианской символики, всерьез о христианской атрибутике вообще говорить не приходится. А известный сербский исследователь языческой веры В. Чайканович и вовсе пришел к выводу о том, что христианский крест, который «висит в сербских домах перед иконами», может оказаться в известных случаях «новым изданием старинного идола» (Чайканович, С. 387-389). При внимательном рассмотрении христианской культуры – не только в плане славянской божницы или крестьянского дома, а вообще как явления действительно христианского, – присущего только христианству, собственно, не обнаруживается в принципе. Всё взято у предшественников и соседей, всё краденое...

В силу всего вышесказанного, наличие на божнице дома позднего периода икон, равно как и других внешне не вяжущихся с язычеством предметов, не только не мешает осмыслению языческой сути и оформления божницы прежней, дохристианской, но, наоборот, наилучшим образом помогает постигать истину. Отодвинув в сторону деревянные доски с изображением суровой тетки и насупленного младенца, на божнице севернорусского дома, как уже говорилось, можно обнаружить малые резные изображения-«панки», списки с языческими заговорами, чародейные коренья... Спрятав всё это вне досягаемости людского глаза за досками икон, люди таким образом повесили артефакты в сакральном статусе, поставив их в своем восприятии даже не на одном уровне, а превыше христианских икон. Иконы оказываются стороной внешней, ложной стенкой, дверцей или крышкой, за которой скрывается истинное положение дел, подлинная вера. Для восстановления идеи языческого домашнего богопочитания можно даже не искать скрытого за ними, не всматриваться в прокравшуюся в оформ-

ление икон языческую символику. Достаточно будет лишь заменить одно другим: иконы – ликами-чурами Богов, в обрядах же исправить имена, очистив языческое их содержание. Убирая привнесенные моменты, получим исконное и искомое. Не без искажений веков, но всё же. Всё то, что в народе совершалось по отношению к иконам, некогда было связано с домашними изображениями Богов и предков, с хранимыми на божницах святынями. Добавить здесь нечего. Ни один подлинно народный обряд не находит подтверждения в христианском культе. Надеюсь, позицию автора в отношении материала удалось прояснить. И, дабы высказанные здесь положения не забывались, на страницах данной работы изредка будут встречаться напоминания о том, как снимается это мнимое противоречие между языческой божницей и цитатами про иконы и Христа.

За сим продолжим, обратившись к названиям того, что мы собираемся рассматривать в нашем исследовании.